

Степкин Виталий Викторович

ВОСПРИЯТИЕ ПЕЩЕРЫ КАК ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОГО ТОННЕЛЯ В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ

В статье анализируется феномен народного восприятия пещеры в качестве символа, объединяющего различные модусы времени. Исследование строится на основе фольклорных записей, сделанных автором на территории лесостепного Подонья, с привлечением архивных материалов и литературных параллелей. В работе вводится в научный оборот новый круг источников, осуществляется комплексное прочтение определенных фольклорных сюжетов на основе анализа мифотворчества населения донской полосы. Изучение проводится в контексте обращения к бессознательной сфере человеческой психики в ее архетипических проявлениях, связанных с восприятием времени в символизме пещерного пространства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/4-3/45.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. III. С. 169-172. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 398.324

Исторические науки и археология

В статье анализируется феномен народного восприятия пещеры в качестве символа, объединяющего различные модусы времени. Исследование строится на основе фольклорных записей, сделанных автором на территории лесостепного Подонья, с привлечением архивных материалов и литературных параллелей. В работе вводится в научный оборот новый круг источников, осуществляется комплексное прочтение определенных фольклорных сюжетов на основе анализа мифотворчества населения донской полосы. Изучение проводится в контексте обращения к бессознательной сфере человеческой психики в ее архетипических проявлениях, связанных с восприятием времени в символизме пещерного пространства.

Ключевые слова и фразы: пещеры; Подонье; этнология; фольклор; время.

Степкин Виталий Викторович, к.и.н.

*Павловская средняя общеобразовательная школа с углубленным изучением отдельных предметов
archeolog@mail.ru*

**ВОСПРИЯТИЕ ПЕЩЕРЫ КАК ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННОГО ТОННЕЛЯ
В НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЕ ЛЕСОСТЕПНОГО ПОДОНЬЯ[©]**

На территории лесостепного Подонья в настоящее время насчитывается более полусотни пещер [9, с. 141]. Они представляют интерес для исследователя не просто как материальный объект, обладающий пространственными характеристиками, но и как объект, вокруг которого складывается невидимый мир народных ассоциаций и представлений, формирующий причудливый узор культурного ландшафта русско-украинского пограничья.

На донском берегу, в Подгоренском районе, Воронежской области находится село Верхний Карабут. Изначально оно возникло в начале XVIII века как два хутора: Карабут и Малый Карабут [4, с. 42]. Его уроженка Татьяна Петровна Тулупова, 1952 года рождения, поведала автору летом 2011 года о том, что «на меловом останце, находящемся неподалеку от села и прозываемом в народе Гора Татарка, давным-давно жили монголо-татары. В этой горе была пещера, куда они прятали сокровища, заплывая в нее во время половодья. Как-то, уже в наше время, два парня были на рыбалке, увидели пещеру и захотели в нее зайти. Но там было темно, и они пошли за фонариком, а когда вернулись, на этом месте ничего уже не было. Подобных случаев было несколько». Аналогичные сюжеты, связанные с так называемыми мигрирующими ходами, известны в литературе и по другим регионам [7, с. 19].

Анализируя повествование Татьяны Петровны, мы видим, что она неосознанно переносит своих современников в прошлое, осмысляемое не в рационально историческом, а в фольклорном, мифическом контексте, когда действовала пещера, и вход в нее был открыт. В этом контексте фольклорный сюжет проявляет вневременную суть мифологического восприятия мира, что находит свое отражение и в других рассказах жителей Подонья. При этом если пещера когда-то функционировала как культовая, то в ее фольклорном восприятии прошлое может предстать в образе старца инока или целой богослужебной процессии.

Так, в первой половине XIX века зафиксирован рассказ, согласно которому три девушки вошли в пещеру горы Шатрище (Лискинский район, Воронежской области). «В пещерке горели пред образами маленькие свечки, недогорочки, все было пусто, и только один священник, человек старый, седой, как лунь, борода большая, волосы седые и, как паутина, тоненькие, в ризах самых ветхих, <...> стоял пред царскими вратами и пел: “Христос воскрес из мертвых <...> смертью смерть поправ, и сущим во гробех живот даровав”. Девушки, увидев его, испугались и “бросились бежать из пещерки и, выбежав, попадали тут же все трое без чувств”. В это время к ним подошли родители, привели их в чувство и выслушали их рассказ. Затем уже все вместе пошли вновь к пещере, а она заперта – и большим замком. Пошли на пасеку, которая была недалеко; нашли пасечника, спрашивали его, когда и кто запер двери пещерки, только что бывшие открытыми? Он объяснил, <...> что в этот день никого не было в пещерке, что она была заперта им самим прежде сего дня и что ключи были у него, и прибавил, что видения были и прежде другим богомольцам, а они сами ничего не знают» [1, д. 62, л. 20-23].

Второй рассказ, относящийся уже к нашему времени, поведал автору в 2004 году насельник Свято-Успенского Дивногорского монастыря (Воронежская область) – иеромонах Дионисий (Тарасов). «У нас <...> в обители отошла всенощная. Некоторые паломники отправились в гору к пещерному храму – трое или четверо детей и с ними родители-женщины. Наступали сумерки. Дети подошли к решетке и увидели появившееся в меловом храме как бы розовое пятно, которое начало светиться и разрастаться. В нем появляется силуэт человека. Он вышел с левой, более древней части пещерного храма и пошел в сторону алтаря, а потом повернулся к детям лицом. Стали появляться другие люди. Дети упали на колени и стали кричать. К ним подбежали родители, которые тоже смогли наблюдать эту картину, но в разной степени: кто-то в большей, а кто-то в меньшей. Они видели монахов. Я спрашивал, как они выглядели. По их описаниям, они были одеты не как наши иноки. У них на голове был куколь – не куколь, накидка – не накидка. На схимнический куколь чем-то похоже, но тот расшитый и с такими наплечиями.

Потом зажглись свечи, которых нет, и пошла процессия в сторону алтаря. Вышли еще люди, и началась служба. Стал кадить дьякон. В алтаре, на горнем месте, появился большой крест, и они туда, сквозь него, проходили как в бесконечность. Огоньки светились как млечный путь. Это было первое монашество монастыря, которое не идентифицируется с нашим. Волосы распущенные, длинные, седые или белые».

В этих рассказах мы видим много общего. Контекст прошлого подчеркивается сходными деталями как на уровне фактов (описываются события, связанные с реальным или мифическим прошлым пещеры), так и на уровне семантической нагрузки. Последняя особенно интересна и проявляется в противопоставлении ребенок – старик, в котором читается временной ряд жизни человека в крайних его позициях. Мы видим, что изначально свидетелями в рассказах рисуются именно дети, описывающие людей, обладающих чертами старости. В первом рассказе это особенно наглядно: «человек старый, седой, как лунь, борода большая, волосы седые и как паутина, тоненькие, в ризах, самых ветхих». Описание данного облика глазами ребенка ярко указывает на старое, отжившее, ушедшее – прошлое.

Связь ребенок-пещера-прошлое мы можем проследить, анализируя былички о пропавших на какое-то время в пещерах детях. Ю. В. Полева фиксирует рассказы, в которых вернувшийся из пещеры пропавший ребенок носит черты старообразности, близости к смерти... [6, с. 232]. В одном из таких фольклорных рассказов повествуется даже о вернувшемся старообразном мальчике, с которого ветер сдувает волосы, и под ними оказывается череп, что мы можем интерпретировать как мотив окончательной деструкции индивида. Ребенок в таких рассказах словно «заражается» прошлым, символом которого выступают черты старости: седые волосы и т.п.

Время-пещера не только старит проникших в нее, но и убивает. Классический символ из античной мифологии – бог Хронос (др.-греч. χρόνος — время), поедающий своих детей. Примечательно, что, согласно легендам, его серп как символ прерывания жизни хранился в сицилийской пещере. В фольклорном архиве Нижегородского государственного университета в качестве одного из сюжетов-мотивов детских страшных историй фигурирует рассказ «Мраморная статуя»: «В одном детском саду, который выезжал на дачу каждое лето, часто стали пропадать дети. И вот воспитатели решили проследить, почему пропадают дети. И один раз, когда дети гуляли на поляне, воспитатели спрятались за деревья. Вдруг на эту поляну прилетела мраморная статуя, схватила ребенка и прижала его к себе. В этот момент один воспитатель выстрелил из пистолета и попал. Они слышали стук и видели, как от статуи отлетели кусочки мрамора, но статуя поднялась в воздух и улетела, унеся с собой ребенка. Воспитатели осмотрели траву и увидели белый след. Они решили выследить статую и пошли по этому следу. Долго они шли и, наконец, пришли в пещеру, которая вся была завалена человеческими костями и черепами. На груде костей сидела мраморная статуя и доедала ребенка. Когда вошли воспитатели, статуя оглянулась и закричала: “Зачем вы пришли? Как вы посмели помешать мне ужинать?”. Статуя хотела наброситься на них, но один из воспитателей выстрелил в нее, и мраморная статуя рассыпалась» [13].

Образ мраморной статуи можно трактовать, на наш взгляд, как проявление амбивалентного архетипа матери. В своем негативном значении он проявляется в символе смерти и может ассоциироваться с пещерой [10, с. 215-216]. Мраморная статуя имеет антропоморфный облик, в котором отсутствует жизнь. В ней нет тепла, по ее жилам не течет кровь... Она лишь холодный камень, уносящий в пещеру-прошлое человеческие жизни. Уносящая их туда, куда возвращается все живое, покинувшее некогда материнское лоно земли, исчерпавшее свой жизненный цикл, умершее и ставшее лишь уделом воспоминаний. При этом вход в пещеру – это вход в подземный мир, в сферу прошлого, захороненного под землей, погружение в область, поглощающую на закате солнечный диск, структурирующий временные отрезки, а на личностном уровне – в сферу бессознательного.

Если возвратиться в этом контексте к фольклорному материалу, бытующему вокруг донских пещер, то одной из сюжетных линий, сообщаемых респондентами, будет повествование о том, что когда-то группа детей отправилась в находящуюся неподалеку от села пещеру и не вернулась. Взрослые, чтобы предотвратить подобные случаи, в дальнейшем взрывают (засыпают, бетонируют) вход в подземелье. Так, например, житель города Павловска, Воронежской области Владимир Владимирович Верещагин сообщил автору о том, что ему известен рассказ о том, что ранее, неподалеку от райцентра Воробьевка, Воронежской области были длинные пещерные ходы, соединявшиеся с карстовыми пустотами. В них пропадали многие дети. Чтобы предотвратить подобные случаи, где-то в 50-е гг. XX века входы в эти пещеры залили бетоном. А житель города Калач, Воронежской области, Андрей Михайлович Б-ко рассказал о том, что ранее неподалеку от близлежащего села Ширяево была пещера. В нее, еще до Великой Отечественной войны, зашли дети и пропали. Не просто пропали, а погибли. Их было трое. Эту пещеру потом взорвали.

Распространенность и разновариативность рассказов о пещере, в которой присутствие детей маркируется родственными контекстами, вновь заставляет обратиться к архетипам коллективного бессознательного, влияющего на человеческое сознание при конструировании фольклорных сюжетов. К. Г. Юнг трактует архетип ребенка как связь с прошлым. Исчезновение детей в пещере и последующее разрушение входа в нее взрослыми в этом случае может трактоваться в контексте конфликта человеческого рода со своим детством, т.е. со своим первоначальным, бессознательным состоянием. Данный конфликт порождается ощущением угрозы отрыва от своих корней и традиций [Там же, с. 91-95].

В любом случае фольклорный сюжет о взрыве (засыпании, бетонировании...) пещеры, в которой пропадают дети, порождается стремлением психики уничтожить объект, вызывающий фрустрацию. Применяя концепцию антрополога Жильбера Дюрана [2, с. 83-90; 12], данный сюжет можно рассматривать и как стремление воображения преодолеть (победить, вытеснить...) смерть, синонимом которой является приближающее ее время. Преодоление на уровне конструирования фольклорного сюжета происходит в сочетающемся режиме

диурна и ноктурна. В режиме диурна мы имеем дело с героическим мифом, уничтожающим в образе пещеры время и смерть как зло, в чем на базовом уровне проявляется постуральный рефлекс человеческой психики. А в режиме ноктурна мы видим эвфемизм, позволяющий появлением образа ребенка минимизировать, смягчить тот ужас, который возникает при восприятии времени-смерти. Подобного рода эвфемизмы, связанные с образом пещеры, мы видим и в других широко распространенных фольклорно-мифологических сюжетах, где появляются карлики, гномы, дивьи люди и другие небольшие антропоморфные существа ростом с ребенка.

Фольклорные рассказы, в которых присутствует связь ребенок-пещера, имеют порой любопытные вариации. Исследователь пещер из Санкт-Петербурга И. А. Агапов записал в среде местных жителей бытующий рассказ о Галиевской пещере (Богучарский район, Воронежской области): «В свое время (50-е годы XX в.) пионервожатые из лагеря, расположенного неподалеку от с. Галиевка на оз. Песчаное, водили в пещеры детей. Один из них запомнил хорошо, что зашли они туда утром, ходили по веревочке, а вышли на закате солнца, чему очень удивились. При этом вояже они встречали не один завал. Этих очевидцев надо искать (один из них, например, сошел с ума..., с ним уже нельзя ни о чем поговорить)» [Цит. по: 8, с. 62]. В этом рассказе подчеркивается временной аспект, маркируемый движением небесного светила: «зашли они туда утром, ходили по веревочке, а вышли на закате солнца, чему очень удивились». Солнце двигалось по небосклону, а дети по веревке внутри подземных сфер. Для них, находившихся в пещере, восприятие дневного цикла времени проходило иначе. Помогла ребятам преодолеть встречающиеся на пути препятствия и вернуться назад веревка, которая на мифологическом языке является символом времени, длительности, связи прошлого, настоящего и будущего. Именно она позволила окунувшимся в символический мир прошлого найти дорогу обратно. Хотя не для всех это возвращение прошло успешно. Данный рассказ невольно напоминает миф о путешествии Тесея по критскому лабиринту, свидетельствуя о проявлении общего архетипа коллективного бессознательного. (Аналогия с данным мифом видна и в предыдущем повествовании о мраморной статуе, которая, подобно Минотавру, поедала людей).

Другой не менее интересный рассказ, записанный в 2002 г. И. А. Агаповым в Богучарском районе со слов В. П. Житникова, касается пещеры у села Амбросимово. «В 1946 году двое ребят села Амбросимово взяли телефонный кабель и полезли в пещеру. Один остался на входе, а другой полез в пещеру, потянув за собой кабель. Через некоторое время парень на входе забеспокоился, потянул кабель и вытянул его с обрезанным концом. Парень пропал, его так и не нашли в пещере. После этого несчастного случая пещеру взорвали». Основное предназначение телефонного кабеля – связь. Интерпретируя данный сюжет, двигаясь за телефонным кабелем, подходим к его обрезанному краю, который может трактоваться как символический след, оставленный смертью, обрезавшей связь между двумя мирами: миром живого-настоящего и миром мертвого-прошлого. Проецирующее фольклорный сюжет сознание в страхе бежит, ощущая приближение смерти-минотавра, и «взрывает» выход из подземного лабиринта темного человеческого бессознательного.

Возвращаясь к легендам о пещере у села Верхний Карабут, приведем рассказ сына Татьяны Петровны – Алексея Викторовича Тулупова, 1975 года рождения. Он поведал о том, что ему рассказывала бабушка, как «один мужчина нашел эту пещеру. В ней были сокровища. Он вошел туда на 5 минут и вышел позвать других. Когда он вернулся к людям, то оказалось, что прошло уже 100 лет». В этом рассказе временная символика пещеры выглядит не менее очевидно. Здесь время течет по-особому, замедляя свой ход.

Параллели данному сюжету встречаются в различных культурах (тип № 766 в классификации фольклорных сюжетов Антти Аарне), обращение к которым поможет лучше понять семантику сюжетной линии рассказов донской земли. Так, например, согласно одному из чешских сказаний, в пещере горы Бланик «дремлют вооруженные рыцари, “войско святого Вацлава”, дремлют и дожидаются дня, когда понадобятся их помощь, когда позовут их на бой <...>. Случилось раз одной девушке косить траву под Блаником. Вдруг, как из-под земли, вырос перед ней рыцарь и попросил ее войти с ним в гору и там поработать. Не испугалась девушка и пошла. Ворота в гору были открыты. Тут увидела она перед собой сводчатые каменные залы <...> Вдоль стен у кормушек стояли рядами оседланные кони, за каменными столами, склонив на них головы, сидели рыцари Бланика. Спали рыцари, недвижимы были кони; не трясли они гривами, не били копытами, даже хвостами не махали.

Войдя в залу, девушка осмотрелась. Никто не шевельнулся. Она принялась подметать. Работа у нее спорилась, и вскоре все было убрано. Но даже теперь никто не остановил ее, никто не заговорил с ней, никто не пробудился. Как она вошла, так и вышла. Когда девушка явилась домой, стали ее спрашивать, где так долго она пропадала. Удивилась девушка и сказала, что ведь она вернулась быстро, как и всегда, в обычное время. Каково же было ее изумление, когда узнала она, что ушла в последний раз на покос в прошлом году, и целый год ее не было. Тогда рассказала она, куда попала, и все поняли, почему ей год показался таким коротким. А на третий день после своего возвращения девушка умерла <...>. Но все это было давно... Заперт Бланик. Важно и хмуро взирает он с высоты на уединенный край, удаленный от мира, и кажется, что погружен он и всё вокруг в тяжелую, печальную думу. Спит войско святого Вацлава. Еще не пробил час его пробуждения. Проснется она лишь в минуту грозной опасности, когда обрушится на нашу родину столько врагов, что смогут кони их своими копытами растоптать все Чешское королевство» [3, с. 333-336].

В этих рассказах мы видим, что прошлое, в которое можно проникнуть через пещеру, статично. Здесь нет динамики, нет жизни, нет развития: «Спали рыцари, недвижимы были кони; не трясли они гривами, не били копытами, даже хвостами не махали». Время для них словно остановилось, окаменело в холодных каменных залах с каменными столами. Попадающему сюда из внешнего мира кажется, что прошло мгновение, а минули месяцы, годы...

На неразрывную взаимосвязь в представлении «времени» и «движения» обращали внимание многие философы [5, с. 106]. В этом контексте пещера обладает ярко выраженной семантической нагрузкой, идеально

подходящей для передачи образа, невозможного для изменения прошлого, в котором уже нет развития и, как следствие, времени. Вот мы стоим перед входом в подземелье, по небосводу движется солнце, озаряя все светом, летают и поют птицы, ветер колышет зеленую крону деревьев... Заходим в пещеру и погружаемся в статичный темный мир с холодными каменными стенами. Где, как не здесь, существовать ушедшим в мир иной предкам? Существовать не только физически погребенными здесь телами по обычаю, распространенному у многих народов, но и метафизически присутствовать в пещере как модели прошлого, где нет движения и нет времени. Религиозно настроенный житель Острогожского района, Воронежской области, М. М. Башкатов, 1887 года рождения, говорил, совершая паломничества в культовые пещеры лесостепного Подонья (Дивногорские, Костомаровские, Белогорские...): «Пойду поклонюсь святым местам, послушаю голоса предков наших в пещерах» [8, с. 90].

Образ пещеры как временного тоннеля был бы не полон, если бы мы, рассмотрев два модуса времени – прошлое и настоящее, не коснулись бы третьего – будущего. Человек имеет уникальное свойство сплести в единый узор временную нить. В его памяти живет прошлое, его разум созерцает настоящее, его воля устремлена в будущее, пугающее своей неизвестностью. Преодолеть хаотическую многовариативность будущего, структурировать его и придать прочный фундамент можно лишь опираясь на его изначальную основу – прошлое. В каждой культуре свои точки опоры, будь то былинный эпос или религиозные представления...

Живущий традиционной жизнью чешский крестьянин XIX века верил, что когда наступят тяжелые времена для его отчизны, героический рыцарский дух предков поможет преодолеть испытания. В лесостепном Подонье, в период советских гонений на Церковь, в традиционно настроенной религиозной крестьянской среде бытовало утверждение, что в «конце века сего, когда антихрист будет побежден, из пещер выйдут убежденные седины старцы» [Там же, с. 41]. Старцы – образ прошлого, мудрости предков; антихрист – образ хаотического будущего, потерявшего традиционные ориентиры; пещера – тоннель, через который преодолевается культурно-временная деструкция путем возвращения к традиционным истокам.

Таким образом, опираясь на приведенный в статье материал, мы интерпретировали фольклорные сюжеты, связанные с восприятием пещерного пространства населением лесостепного Подонья сквозь призму анализа бессознательных народных ассоциаций: прошлое-будущее-пещера или более широко – время-вечность-пещера. Воплощение данных общечеловеческих архетипических ассоциаций нашло свое отражение в народных рассказах, формирующихся в русле культурного ландшафта донского русско-украинского пограничья XIX – начала XXI в., привнеся с собой неповторимую конкретно-историческую специфику.

Список литературы

1. Архив Русского географического общества. Разряд 9. Оп. 1.
2. Дугин А. Г. Социология воображения: введение в структурную социологию. М.: Академический проект, 2010.
3. Ирсек А. Старинные чешские сказания. М.: Правда, 1987.
4. Кригер Л. В. Подгоренские высоты. Звенья времени. Воронеж: Творческое объединение «Альбом», 2011.
5. Лягушкина Н. В. К вопросу о формировании базовых концептов: время и движение // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (12). С. 104-108.
6. Полева Ю. В. Культовые пещеры как объект повторной мифологизации // Спелестологические исследования: ежегодник – 2001. М.: РОСИ, 2002. С. 229-234.
7. Полева Ю. В. Культурно-семантический аспект почитания пещер в Нижнем Поволжье и Подонье. Волгоград: ВГАФК, 2009.
8. Степкин В. В. Легенды донских пещер. Фольклор. Этнография. История. Воронеж: ИПЦ «Научная книга», 2012.
9. Степкин В. В. Пещеростроительство как вид христианского подвижничества в лесостепном Придонье // Вестник церковной истории. 2008. № 3 (11). С. 141-150.
10. Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. М. – Мн.: АСТ; Харвест, 2005.
11. Aarne A. Verzeichnis der Maerchetypen. Helsinki, 1910.
12. Durand G. Les Structures anthropologiques de l'imaginaire. Paris, 1960.
13. <http://www.unn.ru/folklore/sstrash.htm#72>

PERCEPTION OF CAVE AS SPACE-TEMPORAL TUNNEL IN POPULAR CULTURE OF FOREST-STEPPE DON REGION

Stepkin Vitalii Viktorovich, Ph. D. in History
Pavlovsk Secondary School with Advanced Study of Certain Subjects
archeolog@mail.ru

The author analyzes the phenomenon of the popular perception of the cave as a symbol connecting the different modi of time, conducts the study basing on the folk recordings made within forest-steppe Don region involving archival materials and literary parallels, introduces a new range of sources into scientific circulation, presents the complex interpretation of certain folk stories based on the analysis of Don region population's myth-making, and conducts the research in the context of the reference to human psyche unconscious sphere in its archetypal manifestations associated with the perception of time in the symbolism of cave space.

Key words and phrases: caves; Don region; ethnology; folklore; time.